

Записки офис-
менеджера, или
Приключения Шапки

Любовный роман

Евгения Хамуляк

Евгения Хамуляк

**Записки офис-менеджера,
или Приключения
Шапки. Любовный роман**

«Издательские решения»

Хамуляк Е.

Записки офис-менеджера, или Приключения Шапки. Любовный роман / Е. Хамуляк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963896-0

Настоящие друзья — это те, кто даже своим молчаливым присутствием могут вызвать улыбку или вселить надежду. Многим везет, и они находят такое счастье. А для некоторых лучшим другом становится книга. И это тоже не мало! Ведь главное улыбка. Моя книга об этом.

ISBN 978-5-44-963896-0

© Хамуляк Е.
© Издательские решения

Содержание

«Записки офис-менеджера или Приключения Шапки»	6
ГЛАВА 0. Запись в дневнике 8 марта 199... Люблю и ненавижу Шапку	7
Глава 1. Все по порядку	13
Глава 2. Вадик	14
Глава 3. Аннушка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Записки офис-менеджера, или Приключения Шапки Любовный роман

Евгения Хамуляк

*Посвящается всем, кто не разделяет своего личного счастья
от общего*

Рекомендовано в качестве подарка лучшей подруге

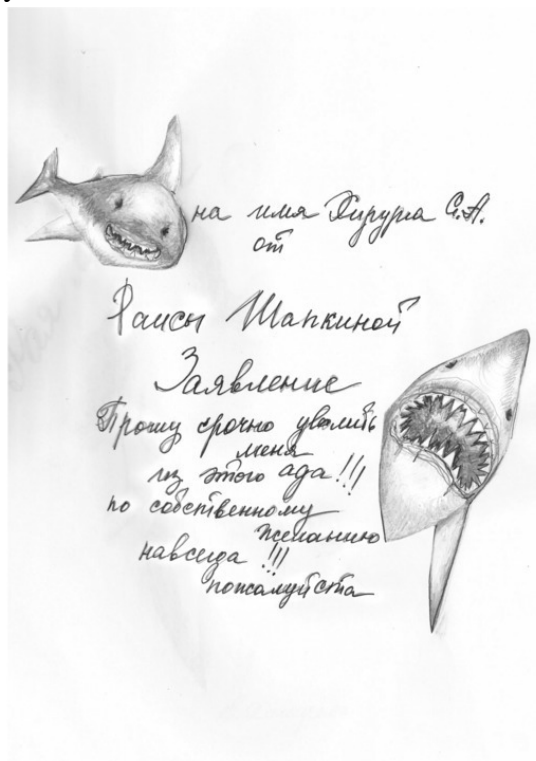
Поднимает настроение. Вселяет надежду. Делает человечнее

Проверено на живых людях

© Евгения Хамуляк, 2019

ISBN 978-5-4496-3896-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Записки офис-менеджера или Приключения Шапки» Вместо предисловия

История, которую вы прочтете, нельзя однозначно отнести ни к одному стилю литературы. Это мемуары и приключения, роман, фарс, в некотором смысле исповедь и просто чистые выдумки. История, мною рассказанная, одновременно фантастична и реалистична, лирична и драматична, комична и удивительно глубока и философична, в ней присутствует вся правда о жизни людей, которых мне посчастливилось встретить на своем веку. И с большой ответственностью заявляю: их можно назвать Героями нашего времени, с большой буквы, хотя для некоторых, копошащихся в своих проблемах и не поднимающих голову выше своих мелких интересов, они так и останутся простыми обывателями со своими обыкновениями... Ибо каждый мерит по себе.

Скорее всего, книга, которую вы держите в руках, не займет высоких наград у больших судей современных конкурсов литературы, ведь ее персонажи не являлись борцами за великую справедливость или высшие ценности, не шли наперекор власти, не становились жертвами жестоких репрессий, не выступали против демократии или, наоборот, не стояли горой за коммунизм или царизм – а только таким сегодня дают награды, поют славы и оды, судя по рейтингам популярности. Герои же моего романа простые, на первый взгляд, люди, которых отличало от других одно лишь качество – каждый день своей жизни они не переставали мечтать, медленно, но верно шли к своим, пусть и смешным для кого-то, идеалам, вразрез с заданными модой эталонами. Шли, спотыкаясь, ошибаясь, выбирая тернистые пути, но при этом никогда не останавливались, доверяясь своему внутреннему голосу, инстинкту и судьбе. Их взлеты и падения, пусть и не озвученные по радио, не показанные по телевизору, до сих пор представляются примерами для других таких же смельчаков, на плечах которых стоял и до сих пор держится опоясанный голубым свечением надежды земной шарик, не прекращающий вертеться, как поется во всеми известной песне. Именно о них пойдет речь в этой истории, лесенкой из разных событий, складывающуюся в одну большую песнь о любви, которую одинаково поют все любящие сердца на свете. И все начнется с одной старой записи в дневнике, о которой я совсем забыла...

Записки офис-менеджера, или Приключения Шапки

ГЛАВА 0. Запись в дневнике 8 марта 199... Люблю и ненавижу Шапку

С девятой страницы дополнено и приписано много лет спустя.

Оставляю эту запись в дневнике как последнюю, потому что больше не собираюсь вести дневников и тем более заглядывать в этот. Слишком больно перечитывать о днях счастливых, ставших с восьмого марта печальными из-за потери Раи... И как назло выпал февральский, а может быть, весь январский и декабрьский снег, будто почувствовав мое горе, засыпая все белым траурным, как у японцев, одеялом... и от этого больше нет сил думать о будущем, а ведь там еще ждут, по меньшей мере, пятьдесят, а то и все девяносто лет жизни. Как их прожить? С кем? Где? Кошмар!

Ненавижу и люблю Райку Шапкину!

Итак, если однажды я потеряю этот чертов дневник, а вы его найдете, узнайте же историю про одного удивительного человека, который оставил в моей жизни неизгладимый след, положительный или отрицательный, – пока не знаю. Вижу лишь, что все, что творила в своей жизни Раиса Шапкина, вызывало у окружающих бешеную зависть и безудержное восхищение. И я не составляла исключения в этом списке. Эта фантастическая особа никогда не избиралась на роль главы государства (*приписано: по крайней мере, в тот момент...*), хотя могла бы возглавить массы (*приписано: и ведь смогла...*), никогда не имела ни политического, ни экономического или социального статуса, ее даже никогда не показывали по телевидению, но имя крутилось у всех на языках по многу раз в день, семь дней в неделю, включая выходные, в сте-

нах и за стенами большого муравейника, как мы называли место нашей работы, – огромное, пережившее развал эпохи издательство, обеспечивающее нашу гигантскую, не переставшую читать страну, книгопечатной макулатурой.

Раиса Шапкина числилась в старших менеджерах отдела закупок, где помимо нее работало еще семнадцать менеджеров и один директор отдела, над которым возвышалось два начальника департамента, поделившие холдинг на два лагеря, соревнуясь в работе и получении месячных премий и бонусов в конце года. Над ними стоял еще вице-президент этого направления, который собственно делил эти премии с собой и победившей командой. И, наконец, на самом пьедестале почета – президент компании, распорядившийся и премиями, и всеми начальниками, и менеджерами отдела, которые, как и он, являлись особями мужского пола. И все эти люди побаивались Раю Шапкину или, как «за глаза», да и порой в лоб ее называли, просто Шапкой.

Раиса Шапкина, старший менеджер отдела закупок, тридцати лет от роду, была четырежды замужем, успев проработать в издательстве под четырьмя фамилиями: Дворнякова, Густав-Дальская, Волга и, наконец, Шапкина. Послужной список замужеств не заканчивался официальной частью, по слухам, в любовниках у Раи ходили все семнадцать менеджеров с директором отдела, также коллектив воображал, что она являлась пассией обоих начальников департамента, вызывая у тех самих боязливый трепет и зависть друг к другу. И самые прозорливые рисовали Раису любовницей вице, а порой клялись, что видели, как она наведывается к самому президенту компании, в страстных объятиях и поцелуях раскрывает ему всю кухню фирмы, обличая и наговаривая на обидчиков или на того, кто не пришелся к ее двору. Сами понимаете, Шапку побаивались, за спиной грязно сплетничали, плели интриги, выдумывали всякие былици и небылици, догадывались о чем-то, шептались на лестницах и в курилках. Но реально никто, кроме меня, ее единственной подруги, не знал истинной правды. А правда заключалась в том, что у Раисы имелся удивительно страстный нрав, какая-то дикая фантастическая притягательность, но ни один из перечисленных бонз никогда не достаивался ее любви, хотя я почти уверена, что все без исключения мечтали о ее внимании, жаждали испробовать того любовного потенциала, о котором судачило все предприятие, но, побаиваясь слухов о власти кого-то свыше, не решались напрямую пойти на контакт. Хотя кто-то да решался...

Обо мне: как и все десять офис-менеджеров десяти отделов издательства, я ходила в разряде смазливых красоток, подобранных под секретарскую обязанность, заключающуюся в двух основных принципах: красивая и не сильно глупая. Слепой метод печати не брался в расчет, если присутствовали два первых качества. Но именно мне выпала счастливая возможность стать подругой самой обсуждаемой персоны в сотенном коллективе книгопечатного муравейника, чтобы каждый день идти на работу в ожидании первой услышать о новых приключениях Шапки.

Как и любой другой офисный сотрудник, находящийся в офисном рабстве, все мои претензии, ожидания и смысл существования крутились в большом жужжащем коллективе, где все мы проводили громадную часть своей жизни, порой находя личное счастье и маленькие трагедии тут же, в стенах муравейника, огромного неприглядного здания на окраине промышленной зоны города Москвы. Поэтому из всех женщин компании, а их было меньшинство: товароведы, бухгалтеры и офис-менеджеры, – честь стать подругой Шапки выпала мне. Раиса выбрала меня (*приписано: и только много лет спустя мы узнали, что выбрали нас*).

Теперь о главном, ибо такая деталь, как внешние данные, является в повествовании о приключениях Раи основным моментом сюжета и провоцирующим фактором для восхищения, зависти, ненависти, осуждения, страстной любви и романтической привязанности у окружающих ее людей.

Рая происходила из еврейской семьи и потому являла собой отличный пример еврейской женской фигуры. Будучи ростом метр пятьдесят или около того, Раиса имела размер своей нижней части пятьдесят второго объема, который в раздетом состоянии представлял собой атомную бомбу телесного цвета, круглую и плотную, стекающую в плотные ножки, заканчивающиеся тонкими щиколотками, всегда и в любую погоду передвигаемые на высоких шпильках. Мне почему-то кажется, что даже в школьную пору Шапка бегала на физкультуру в спортивном костюме, но обязательно на шпильках, и ни физрук, да хоть бы и сам черт не смогли бы уговорить ее снять это оружие невидимого фронта, делающее метр пятьдесят хоть чуточку выше, а округлые ножки – чуть длиннее.

Далее, поднимаясь снизу вверх, шла ее тонкая талия – гордость и, наверное, единственное достоинство в этом неизвестном природе непропорциональном телосложении. Талию не брали ни съедаемые на завтрак белые багеты с ветчиной, ни макароны по-флотски в столовой муравейника, ни бесчисленные пирожные из всех ближайших магазинов и кафешек. Видимо, все калории уместались в выше описанных телесах, ниже и выше талии, предпочитая уже имеющие места скопления.

Выше шла грудь. Этот парный орган имел два размера: нулевой и третий. Еще в двадцать пять лет Рая Шапкина перенесла рак груди, лишившись одной из них на операционном столе. Однако кроме меня никто не знал об этой личной трагедии, случившейся в таком юном, общем-то, возрасте, да и мне об этом периоде она отзывалась легко и с иронией. Наверное, молодость размывает восприятие боли, ибо в мои сегодняшние...цать трудно представить последствия такой потери, по утверждению Раи, лишившей ее также возможности иметь потомство в будущем.

Что именно она подкладывала или как восстанавливала равновесие в значимой для каждой женщины зоне, не знал никто, но со стороны грудь имела нужный формат и привлекала внимание не меньше, чем все остальные места.

На короткой шее крепилась небольшая головка с каштановыми волосами, прилично потерявшими прежний блеск и пышность после химиотерапии. А на круглом, словно блин, лице крепились маленькие, близко посаженные глазки, у которых, наверное, имелось минус двадцать миопии, поэтому реальность воспринималась Шапкой через роговые окуляры с толстым стеклом, через которые смотрели накрашенные яркими тенями и стрелками разноцветные, карий и сине-зеленый, очи с длинными завитыми вверх черными ресницами.

Это всегда меня вводило в ступор, сменяющийся распаленным возмущением: ну как она умудрялась при таком зрении краситься?! Как изловчалась ровно подвести глаза?! Если без очков она не могла разглядеть, сколько пальцев у нее на руке. Благо помнила по памяти.

Она реально была уродкой, но все в округе, начиная с нее самой и заканчивая мною, считали ее миловидной, обаятельной и даже изящной красавицей, иногда сравнивая с известными модницами прошлого, которые тоже не могли похвастаться природными красотами с рождения, но сделали себя сами вопреки всему. Добавляла полноту харизме преувеличенная слава распутницы, сладострастницы, удивительным образом совсем не тяготившая Раю, наоборот, делавшая ее сильнее, а клеветников – слабее.

И поэтому никто и никогда не смог бы пискнуть, что это чудо-юдо является страшилищем, ведь каждую неделю с полей приходили новости о новых романтических приключениях Шапки и победы харизмы над разумом. И я, природная блондинка среднего роста с нормальным вторым объемом сверху и сорок четвертым размером снизу, входящая в кружок красавиц муравейника, с аттестатом экономического техникума и вполне обычными запросами на жизнь, не могла бы похвастаться такими фантастическими похождениями, бушующими страстями вокруг моей персоны, удивительными сердечными перипетиями, раздирающими черной завистью чужую душу, любовными фактами личной истории. Хотя имелись все задатки...

Начальник АХО – старый снабженец, выдавший жизнь издательства еще в советское время, за неимением воспитания и наличием большого свободного времени (старика вместе с печатными машинами переняли по наследству новые владельцы и, видимо, воспринимали как часть основных средств предприятия), а также грубого черного юмора, придумал свою градацию красоты, деля женское тело на две части – верхнюю и нижнюю, где первая рассказывала о школьных заслугах, а вторая – о высшем образовании.

И таким образом, по его методе, я ходила в ученицах первого класса второй четверти образовательной школы номер два, поступив на первый курс университета по нижней шкале. А вот Рая Шапкина имела законченное среднее и три высших математических, претендуя на защиту докторской диссертации. Проходя мимо нее, Анатолич, так звали завхоза, исходил токсичной слюной, повторяя и повторяя про заслуженную аспирантуру Шапки, но боясь дотронуться до дипломированного специалиста, доверяясь слухам о протекторате в сферах вице-департамента.

О жизни коллектива. Все офисные рабы с вожделием ожидали пятницы, приобретшей с появлением корпоративных вечеринок приставку «развратница». Ибо выходные всегда планировались насыщенными походами в том же составе (плюс жены-мужья) на пикники или на шашлыки – летом, в театры-выставки-кафе-рестораны-сауны-бани, заканчивающимися пикниками у кого-то дома, – зимой. Даже отпуска составлялись по тому же графику, и только смерть могла разлучить менеджеров с топ-менеджерами, маркетологами, работниками бухгалтерии и рабами синтетического офисного виртуала всех мастей. Мы заменяли друг другу родоплеменной строй, по которому так скучали наши сердца, обманутые непонятными словами о демократии и частной собственности, разделившими наши бумажники и холодильники, но не души.

И в понедельник помятые, но довольные мы возвращались на свои рабочие места, деловито улыбаясь, напоминая знатоков популярной передачи «Что? Где? Когда?», в предвкушении муссирования и перевирания из уст в уста событий выходных. В угаре от поглощения дыма курилок, в шепотном обсуждении в душных клетушках с рябыми экранами, за поеданием дешевого бизнес-ланча в обычной заводской столовой, мы забывались этой монотонной и однообразной, по сути, жизнью, в полном веровании, что она полна смысла и проходит не зря. И, конечно, главной героиней, задававшей жару и тон, всегда была Шапка.

Куда бы она ни пришла, где бы ни появилась, этот вечер становился особенным. Неписанная красота, скрытая под платьем с длиной, равной чтобы прикрыть полноту сверху и показать худые лодыжки, подчеркнуть тонкую талию и выставленную упругую грудь на ровной спинке с маленькими плечиками, которых касались отутюженные прямые каштановые волосы, неизменно покрашенные красным, словно пионерская звезда, губки-бантики, Рая Шапкина привлекала всеобщее внимание, как мужское, так и женское.

Но то, что делало ее по-настоящему звездой, – это внутренняя потрясающая сила, индивидуальность, которая перла от ее поразительного тела, жестов, слов, а главное, от ее большого женского сердца, куда вмещались все мужские сердца вселенной, жаждущие настоящей ласки и любви, самопожертвования, понимания и бездонной женственности. Туда, к ней в объятия, они падали без оглядки, спотыкаясь о ее горящие разноцветные глаза, смотрящие из-под толстых линз.

Я не знаю, к каким аномалиям отнес бы дедушка Фрейд эту странную дикую тягу мужчин всех возрастов и мастей к Шапке, но от нее било током; они укладывались у ее ног штабелями. Это правда!

Как-то мой молодой человек, с кем я встречалась в тот период, фыркнул в адрес Раи, находя ее образ уродливым и вульгарным, а поведение – пошлым и непристойным. На что я ответила, что если б Шапка не была такой принципиальной, никогда не распространяя свои

чары на молодых людей своих подруг, он бы первым бежал за ее гипюровой юбкой, а потом орал, как ошалелый, на каждом углу о связи с самой желанной персоной нашего колхоза. Молодой человек быстро испарился из моей жизни, но я почти уверена, что все сказанное являлось правдой.

Бывало, я звонила ей после очередного праздника или выхода в свет, крича в трубку:

– Ты озверела, Шапка?!

– Ты сошла сума, Рая?!

– Ты охренела вконец, Шапкина?! Ты чего творишь?!

Всегда-всегда она спокойно-преспокойно брала трубку и медленно своим тонким девчачьим голоском интересовалась, что могло меня так раздосадовать. Во мне кипела злость, перемешанная завистью к ее раздольному свободному характеру, позволяющему себе быть собой, а другим – продолжать оставаться другими и, приукрашивая детали и преувеличивая масштаб, я пересказывала приключения накануне, ввергая ее в шок и смятение... Мы были лучшими подругами, и никогда до и заодно после у меня не получилось найти такую родную, такую незабываемую душу, что хранилась в тщедушном теле Раи Шапкиной. Моей дорогой Раи. И только ее я могла называть Шапкой в лицо, вкладывая всю любовь, сердечность и привязанность в это прозвище, а она меня – Дурочкой (тем тонким, почти детским, нежным припевом), подразумевая неподдельную теплоту и участие к моей персоне.

Шапка охала и ахала от услышанного, порой не помня, чем действительно закончился вечер или что она вытворяла во время выходов, и всегда совершенно искренне расстраивалась, что ее жизнь похожа на анекдот, и ей не стоит ждать настоящей любви, как в тех великих произведениях классиков, которыми она зачитывалась летом на городских пляжах, оголяясь при виде изумленной ее прелестями публики.

Моя злость сдувалась, как подбитый воздушный шарик, от ее подлинности и сердечности, а когда она в очередной раз, смеясь, верещала в трубку: «Белла, Беллочка, алло! Делаем монтаж?! Монтаж?! Слышишь?! Помнишь?! Ничего этого не было... Я отрезаю здесь и там. Делаю монтаж! Теперь все хорошо. И каждый день моей жизни становится лучше, чем предыдущий...»

Это меня настолько умиляло и восхищало, что и я начинала делать монтаж своей жизни, вырезая беспричинную злость за свою никчемность, с которой ничего не могла поделать.

И вот однажды Шапка завалилась на работу не такая, как обычно... Все было на месте: гипюровая короткая юбка, обтягивающая атомы пятьдесят второго размера, прямостоящая грудь, маленькие плечики, прямые отутюженные каштановые волосы, рот в красной помаде, роговая оправа и бегающий взгляд, горящий по-новому. Она шепнула мне в курилке то, что я и ожидала услышать: «Беллочка, я влюбилась». И пушистые накрашенные ресницы томно опустились. Я могла только фыркнуть в ответ, ведь мы виделись лишь вчера, и это лицо еще не светилось благодушием и влюбленностью. Или, может...

А после обеда Раиса пошла в бухгалтерию и написала заявление по собственному желанию и скрылась навсегда, исчезнув в никуда. Она удалилась из всех социальных сетей, которые только появились в жизни городских трудяг, чтобы хоть как-то скрасить их будни, изменила номер телефона, в конце концов, поменяла почтовый адрес. Лишь на прощание как лучшей подруге позвонила мне обалдевшей и вкратце рассказала, что обрела любовь всей своей жизни, настоящего грузинского князя, который хочет сделать ее счастливой: жениться и нарожать большую добрую семейку таких же шапочек. И она уезжает по месту его жительства, чтобы сказку сделать былью. У нее все хорошо, и, может быть, мы когда-нибудь увидимся.

Периодически по какой-то глупой привычке в поисковом поле социальных порталов я пишу ее фамилию и имя, в надежде найти свою лучшую подругу на просторах бездонного интернета, но Рая, судя по всему, в пятый раз сменив фамилию, обрела-таки вселенское счастье, о котором мечтала каждый раз, уходя в свои небывалые головокружительные плавания.

Я очень скучаю по Шапке, по ее свободе духа, чувству юмора, интеллигентности, начитанности, принципиальности и развязности, ее счастливому мироустройству, в котором помещался праздник жизни всего издательства, а теперь незаслуженно перекочевавший к какому-то неизвестному грузинскому князю. И хотя всегда ей завидовала, а она добродушно всегда этого не замечала, мне хочется написать о ней в моем дневнике, как о настоящей героине того невидимого мира серых будней, раскрашивающей его одним лишь своим существованием в радужные переливы счастья.

И пусть я не имею право поднять тот монтаж, канувший в лету с веселой Шапкой из недр забвения на суд лицемерной публики, которая одновременно завидует и мечтает все это иметь, являясь лишь простой свидетельницей, констатирующей необычные приключения обычной одинокой души, которая просто хотела любить и быть любимой. Но уверена, если бы было позволено (*приписано: и мир услышал-таки мои молитвы*) и у меня имелся бы талант переводить воспоминания в прозу, вышел бы настоящий бестселлер, окрыляющий и вдохновляющий брать пример с русских женщин, умеющих жить и любить всей своей безмерной, бездонной, мятежной душой.

В памяти со временем угаснут все те десятки любовных и сексуальных историй, затеянных Раей ради поиска синей птицы, журавля и заодно синицы с фламинго... но что поделаешь – таковы будни, если их не вырубать топором по дереву, посыпая волшебными блестками фантазий, они остаются в памяти, искривляясь через узкую внутреннюю призму, словно через слепые стекла роговых очков Раисы Шапкиной, через которые мы вглядываемся в этот мир, находя его скучным, тоскливым, а кто-то – бульварным, вульгарным, балаганным, недостойным... Лишь прошу: если по какой-то счастливой случайности у вас ходят в друзьях такие Раи, берегите этих невероятных инопланетян с неизвестной планеты безусловной любви, которые дарят нам надежду наполнить хоть каким-то смыслом свое бестолковое существование.

Глава 1. Все по порядку

Итак, начав писать (и тут же бросив) про мою подругу Раису Шапкину, повстречавшуюся на короткий срок, словно попутчица, и оставившую неизгладимый след, я сама не предполагала, что заметки в дневнике о ней и о жизни вокруг так займут мой ум, что, несмотря на данный обет молчания, продолжу-таки повествовать дальше, иронично назвав их «Записками офис-менеджера». На «рассказы и повести» замахнуться не позволила совесть, редкое в наши дни качество или даже атрофировавшийся орган, особенно у писателей, заполонивших книжные магазины своими порой нездоровыми фантазиями.

Почему именно «Записки офис-менеджера», спросите вы (*приписано: вы сами ответите на этот вопрос, поговорив с Раисой...*). Можно было бы подобрать еще какое-нибудь глупое название, одно из тех, что прибило к нашему северному берегу из стран бездушного запада (*приписано: где мне удалось пожить продолжительное время, но об этом чуть позже*), в лексиконе которых отсутствует понятие «совесть», именно этим лично я объясняю возникновение бессмысленных профессий и под стать им – бессмысленных людей текущей эпохи, в которой мы почти потеряли себя, если бы не классика и советские мультики, приправленные бабушкиной морковкой с чернозема нашей необъятной и богатой на природные ресурсы и красивых женщин страны, которую из зависти обзывают «варварской» на Западе. Поэтому не было смысла искать название тому, что взяло в плен нашу родину, да и весь мир, и скрыло под масками мерчендайзеров, пиарщиков, айчи и айти-директоров, а также офис-менеджеров – людей, оставшихся человеками, про которых в прошлые времена писали романы... Такой была и останется Раиса Шапкина, и еще очень много героев, повлиявших на мою жизнь, начинающуюся так обыденно и серо, как сотни тысяч других, где из простого офис-менеджера, то есть дырки от бублика, выросла жизнь, достойная написания книги, которая (возможно?) и не займет первых мест среди модных трудов про либеральную толерантность, что бы это ни означало...

Что же во мне такого особенного? И что же такого уникального в Рае? Вы узнаете это уже скоро, а история начнется по порядку, как это было на самом деле, чтобы вы, дорогой читатель, будто сидя со мною (*приписано: и с Раей...*) за чашечкой душистого чая с чабрецом в одном из московских кафе, внимательно, шаг за шагом, проделали тот же самый путь в этом сложном, невероятно глубоком, потрясающе интересном, полном чудес, мире...

Глава 2. Вадик

После ухода Раисы из издательства мои карьерные ожидания не оправдались, хотя амбиции подталкивали дорастать до ставки менеджера по продажам, следующей не существующей профессии, которой вмнялось умение продавать все и даже воздух. Кстати, это не шутка! Более того, торговать воздухом в эти весенние коммерческие, охмуренные первыми социальными сетями будни разрешалось далеко не всем. Нужно было еще дорастать до продаж рекламных пространств: пройти многоступенчатые курсы сетевых менеджеров, получить бонусы, не забывая, подняв дружно лапки вверх, восхвалять спонсоров и золотых директоров, приглашающих продать душу и все движимое и недвижимое имущество, войдя в высший эшелон бизнес-круга, отобедав и отзавтракав с ними, как с родными, на специальных бизнес-ланчах. В которые, мне думается, подмешивали какой-то наркотик, начисто меняющий личности, потому что возвращались оттуда сотрудники издательства другими людьми, отныне днем и ночью помышляющими лишь о продажах, золотых горах и побеге за границу, чтобы приобрести там домик у моря.

Одним словом, исчезнув из реальности, Раиса забрала с собой душу нашего пыльного издательства (*приписано: как оказалось, ненадолго в Грузию*), на ходу переобувшегося в медиахолдинг журнально-рекламных услуг, а по сути, медленно превращающегося в соковыжимательный центр человеческих ресурсов, от которого вскорости разбогатевшей гурьбой: исполнительные, технические, генеральные и вице бежали в Таиланд и на Гоа курить бамбук, ежедневно выкладывая солнечные фотографии с искусственными улыбками от наркоты в социальные сети на наше завистливое придирчивое разглядывание под тенью сизых облаков столичного смога. Но меня все это не касалось. Бог одарил не только совестью и смазливой внешностью, но и адекватностью, чтобы понять, что с моим характером, нерасторопностью и ленью, а также с полным отсутствием финансовой базы для первых капитальных вложений я вряд ли когда-нибудь смогла бы войти в стаю к этим акулам, способным впарить несуществующий, безводный и бездушный товар этого века, рекламу. К тому же я совсем не умела врать, а это было основным требованием к принятию на работу и к дальнейшему карьерному росту.

Таким образом, я оставила претензии на экзотический загар в баснословно дорогих очках, кричащих брендами и марками, довольствуясь восьмичасовым рабочим днем и средним московским окладом – и тут же была вознаграждена судьбой – Вадиком. Симпатичным парнем, трудившимся продавцом в магазине техники, находящимся по соседству с нашим офисом, куда я как-то забрела за новыми батарейками к весам. Весы, к слову, стояли без использования ровно столько, сколько пропала без вести Раиса. Ведь именно она подталкивала меня садиться на разнообразные диеты, детоксы, медитации каждый раз после недельных загулов, корпоративных выездов или чьих-то нескончаемых дней рождений, сервированных набитыми до упора столами оливье и трехъярусными наполеонами.

Благодаря услужливому приему, после батареек мне понадобился переходник к музыкальному центру и на следующей неделе еще один провод к телевизору, после чего мы решили с Вадиком сблизить не только траектории движения наших тел, но и жилплощади. И оставив две холостяцкие комнатки в Москве, мы сняли за общую сумму потрепанную, но двухкомнатную квартирку в моем родном Зеленограде, предпочтя добираться до работы дольше, на электричках, но вместе, отныне нежно держась за руки.

Чуть о Вадиме. Сближение с этим молодым человеком открыло мне глаза на забавную ситуацию, что после пропажи Раи ее место заняла я, став предметом пристального внимания, а в паре с Вадиком – так и вовсе объектом открытой зависти. Оказывается, моему скромному счастью завидовали все: от бухгалтеров нашего предприятия с красным аттестатом сверху и тремя высшими академическими снизу (по шкале завхоза) до поплывших в груди и губах

(мода вложить первые заработанные деньги непосредственно в себя: свои члены и органы) длинноногих акул из отдела продаж. К моему удивлению и незнанию, Вадим – обычный продавец техники, являлся долгожданным лакомым куском всего женского персонала холдинга, который уже давно и часто не безрезультатно наострял лыжи то за проводами, то за жгутами, то за кабелями в магазин напротив. Не гнушались заигрывать с моим молодым человеком ни высшие чины, ни низшие. Открывали роток и стар, и млад. Все это узналось как бы между прочим в первый год жизни с Вадиком, когда женское влечение в магазин техники и пристальное внимание к услужливому приятному продавцу не заканчивались звонками и приглашениями починить что-то уже в частном порядке, а так и продолжались даже в нашу с ним бытность.

Однажды финансовый директор, пышная дама с огромными бриллиантами в ушах и на крепкой, словно у быка, шее, проходя мимо в коридоре, нечаянно выразилась мне вслед, что надолго запомнилось и странным образом определило мою будущую судьбу с Вадиком: «Классный милый симпатяга у тебя завелся: на месте не сидит, в руках все горит, не олигарх, конечно, зато какой шустрый, небось, зацелует так – забудешь, как звали. А уж в постели, верно, так и вовсе Буратино?! Везучая ты! Отпуск надо брать, чтоб с таким загулять, милочка, иначе без хмеля пьяная на работу будешь ходить – толку не будет от тебя. И имей в виду, такие не женятся! А будешь впадать в депрессию и брать отгулы – окончательно лишишься работы». И косо посмотрев, многозначительно подмигнула мне, тем самым не одобряя выбор общего любимца, обронившего интерес на какого-то офис-менеджера, когда вокруг летают финдиры.

Вернувшись домой, я по-новому взглянула на Вадима, теперь уже вождедеющими глазами других женщин, осознавать его ценность таким образом было приятно, иначе простота, заурядность и даже примитивность моего молодого человека слишком ярко проступали наружу. Хотя не могу ни отнять, ни прибавить лишнего к вышесказанному высоко летающего финдира. Жарко и по-юношески страстно прошла та ночь, а также все последующие милые, симпатичные будни в двушке в Зеленограде, которую я постаралась обустроить в настоящее теплое семейное гнездышко. Пока через два года мою светлую голову не стали посещать разнообразными мыслями, ставшие парить далеко от лежащих на диване дум моего милого симпатяги, не интересующегося ни поиском смысла жизни, ни туманными перспективами бытия, ни пониманием себя и других. Вадик был доволен сегодняшним днем и не замечал необходимость перемен, проскальзывающую ярким зеленоглазым блеском в моем нетерпеливом взгляде. Но он не понимал, чего от него ждут, даже тогда, когда я прямо намекнула на развитие отношений. Наверное, его счастье состояло в проживании «здесь и сейчас», как уговаривают нас жить психологи. Или как в той притче про садовника и мудреца, когда одному Бог послал неомраченную радость копошения в земле, и в этом состояло его счастье, а другому разум, но вместе с ним вечную муку и одновременно счастье поиска и познания истины. Из нас двоих Вадик выбрал садоводство и бытовую технику, меня интересовали далекие миры и осознание себя в них, хотя начинала я тоже с садоводства. Таким образом, поняв ситуацию и взяв власть в свои руки, я предложила нежному другу: если нет желания жениться и обзаводиться потомством, хотя бы сдать внаем одну из двух комнат, а на вырученные деньги отправиться в отпуск, более далекий, чем домик матери в Калужской области, где Вадиду очень нравилось проводить время в постройке чего-либо и гуляньях со старыми товарищами и товарками. Таким образом, мы подготовили комнату для будущего постояльца, дали объявление в местную газету, а уже на следующий день в нашей жизни появилась Аннушка.

Глава 3. Аннушка

Ее приход в мою жизнь осветился знаком, что миссия офис-менеджера и гнездышко страсти в Зеленограде – вовсе не островок спокойствия и тем более не предел желаний всей жизни, а настоящая тюрьма для просыпающегося разума.

И однажды отворив дверь нашей двушки в старой хрущевке, мы обнаружили на пороге стокилограммовую барышню с розовым добродушным лицом, обрамленным длинными по пояс черными локонами, окрашенными на концах в розовый цвет и красиво уложенными на бесформенной, но стильной одежде по аппетитным формам. По одну сторону от нее стоял потрепанный временем или частыми переездами кожаный чемодан, по другую – огромная клетка с гигантским попугаем.

– Я Аннушка, – открыла рот будущая квартирантка, и из него лучезарными потоками маняще полились харизма, магнетизм и необыкновенная обаятельность. Аннушка тут же перестала быть странной девицей с украинским говором, а превратилась в милейшую особу с южным акцентом и добрыми причудами в виде своего крылатого сопровождающего по имени Купидон. И даже тот факт, что наша первая, собственно и последняя, квартирантка действительно прибыла из Киева утренним поездом и являлась по специальности дипломированным сексопатологом (теперь легко объяснялось имя питомца) в поисках высокооплачиваемой работы на профессиональном поприще, только сблизили меня с ней. И я уже была готова без доплаты ухаживать за Купидоном, ведь, по словам его хозяйки, она не собиралась много времени проводить в съемной комнате – ее работа была связана с частыми командировками. Мы с Вадиком лишь непонимающе переглянулись, пытаясь представить охват должностных инструкций этой интересной, но непонятной среднестатистическому человеку специальности. В тот первый день знакомства Аннушка напомнила мне Раю Шапкину своей неординарностью, несуразностью, самобытностью, граничащей с дикой привлекательностью и притягательностью, которые удивительным образом вписывались в любую обстановку и пространство, на ходу становящимися дружественными и открытыми к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.